

Неизвестно, сколько прошло времени. В глазах Шуанчэна уже закипали слезы, когда на пороге наконец послышались шаги. Он встрепенулся и поднял голову. Е Чжэнь в наряде цвета бледной луны застыл у дверей, держа в руках свиток.

— Вставай, — негромко произнес он.

Шуанчэн, дрожа всем телом, с трудом поднялся на ноги. Сгорая от тревоги, он робко проскользнул в кабинет. Е Чжэнь уже сидел за письменным столом, низко склонившись над книгой и сосредоточенно вчитываясь в строчки.

Юноша замялся, лихорадочно соображая, стоит ли снова падать на колени, но гордость пересилила страх.

— Брат... — едва слышно позвал он.

Е Чжэнь неторопливо оторвался от чтения. Смерив младшего брата долгим, насмешливым взглядом, он тонко улыбнулся:

— Ну что, второй молодой господин, хмель из головы наконец выветрился?

Шуанчэну ничего не оставалось, кроме как понуро кивнуть. Но тут же, вспомнив о неизбежном наказании, он жалобно забормотал:

— Брат... я... я всё понял. Правда. Только не бей меня, пожалуйста...

Старший брат негромко хмыкнул:

— С чего ты взял, что я стану тебя бить?

Шуанчэн совсем пал духом, растерянно заминаясь:

— Ну... я же... ведь я...

Сказать было решительно нечего. Он зажал лицо ладонями, сгорая от стыда.

Но Е Чжэнь не собирался спускать ему это с рук. Его пальцы сухо стукнули по деревянной столешнице.

— Творишь глупости сознательно. И думаешь, простого «извини» достаточно, чтобы всё исправить?

Шуанчэн вытаращил глаза от ужаса:

— Брат! Я всё исправлю! Честное слово, больше ни разу!

Е Чжэнь лишь безучастно хмыкнул. Он поднялся, достал что-то из резного шкафа и молча указал на край стола.

— Подойди.

Шуанчэн похолодел: в руках брата тускло блеснула тяжелая линейка для наказаний. Память о том, насколько она болезненна, была слишком свежа. Подавшись назад, юноша застучал зубами от страха:

— Брат, братец, пощади! Я правда всё осознал, клянусь!

— Ко мне, — ледяным тоном повторил Е Чжэнь.

Шуанчэн вздрогнул. В глазах заблестели слезы, но он всё же послушно приблизился. Не успел он сделать и двух шагов, как крепкая рука брата ухватила его за шкурку и бесцеремонно швырнула лицом на лакированный стол.

— Брат, постой... послушай меня...

Представив, какая экзекуция его ждет, Шуанчэн жалобно всхлипнул.

— Я ещё даже не прикоснулся к тебе, а ты уже развел сырость, — сурово выговорил Е Чжэнь.
— Когда без спроса сбегал из поместья, лакал вино в веселых кварталах да ввязывался в драки, смелости тебе было не занимать!

Линейка для наказаний со свистом опустилась на ягодицы.

От первого же удара в глазах у Шуанчэна поплыли круги. Даже сквозь плотную ткань штанов кожа мгновенно вспыхнула огнем — брат бил в полную силу, не пытаясь сдержать гнев.

Он взвыл и зарыдал в голос от невыносимой, жгучей боли. Попытался отползти вперед, но Е Чжэнь железной хваткой вцепился в его воротник, рванул обратно и, прижав тяжелой ладонью за поясницу, нанес еще несколько быстрых ударов.

Ноги у Шуанчэна подкосились. Корчась от боли, он взмахнул руками и нечаянно сгреб со стола стопку важных бумаг — свитки с шорохом разлетелись по полу. Сам испугавшись собственной неуклюжести, юноша вжал голову в плечи, ожидая нового взрыва ярости.

— Дерзкий мальчишка! — рявкнул Е Чжэнь.

«Да я же не нарочно!» — хотел крикнуть Шуанчэн, но спорить было бесполезно: брат явно счел это за бунт.

Боль и обида разожгли в душе юноши упрямый гнев. Схватившись за край стола, он в ярости выкрикнул:

— Ну подумай, сходил в бордель! Из-за этого нужно забивать меня до полусмерти?! Сам-то хорош, тоже там ошивался! Рыба гниет с головы, почему тебе можно, а мне нельзя?! Высокий чин себе выхлопотал, думаешь, всё дозволено?! А-а-а! Больно же! Ай!

Понимая, что дерзость лишь усугубляет его положение, Шуанчэн тут же сменил гнев на покорность и жалобно заскулил:

— Я... я ведь за правое дело дрался! Ты же сам меня учил защищать слабых и восстанавливать справедливость! За что ты меня бьешь?!

В ответ линейка для наказаний опустилась еще несколько раз, выбивая из него остатки спеси. Поняв, что упрямством делу не поможешь, юноша взмолился о пощаде:

— Брат, пощади! Прости дурака, сжался! Обещаю, ноги моей больше не будет в этих заведениях!

Только тогда Е Чжэнь остановился.

— Все правила приличия, которым тебя учили, вылетели у тебя из головы, а вот про справедливость ты вспомнил очень вовремя, — ледяным тоном произнес он.

Шуанчэн отвернулся, глотая горькие слезы. А старший брат продолжал отчитывать его:

— Вспомни, что я говорил тебе перед отъездом из Биньчжоу? Мало того, что бездельничаешь целыми днями, так ещё и ищешь приключений на свою голову! Ничему хорошему научиться не можешь, только дурь перенимаешь. Теперь ещё и к блудницам повадился. Поглядите на него, совсем взрослый стал, Е Шуанчэн!

— Всё благодаря твоему мудрому руководству, — огрызнулся Шуанчэн.

Е Чжэнь спорить не стал. Он молча приложил его линейкой для наказаний еще раз, да так крепко, что несчастный едва не подпрыгнул на месте. Позади будто плеснули кипящим маслом. Шуанчэн завыл, не сдерживая слез:

— Братец! Брат! Всё, молчу! Пощади, умоляю, пощади!

Е Чжэнь легонько ткнул концом линейки для наказаний в поясницу притихшего бунтаря.

— Попробуй ещё раз открыть рот, — предупредил он.

Разумеется, Шуанчэну было невдомёк, что визит его старшего брата в Терем Весенних Цветов преследовал совсем иные цели: Е Чжэню нужно было без лишних глаз встретиться с Наследным принцем Ли Цзэханем. Но посвящать глупого мальчишку в государственные тайны никто не собирался.

Оставшуюся часть наказания Шуанчэн перенёс молча, проклиная всё на свете. Переезд из сонного Биньчжоу в блистательную Столицу казался ему величайшим счастьем. Теперь же, утирая слезы, он понимал, как жестоко ошибся: его просто заманили в логово к зверю. А Е Чжэнь — настоящий серый волк, не иначе. Значит, совершать «непристойности» вроде походов по борделям дозволено только великому Главе кабинета, а простому смертному и носа туда сунуть нельзя!

Вскоре слуги на руках унесли безвольное тело молодого господина обратно в его покои. Узнав, что разгневанный хозяин запретил кормить упряма ужином, Шуанчэн в ярости выставил всю челядь за дверь. Уткнувшись лицом в подушку, он лежал на животе, стиснув зубы до скрежета. Глаза опухли от слез, но просить прощения он больше не собирался. Принцип дороже голода.

Ночь опустилась на поместье Е. Выйдя из кабинета, Е Чжэнь заметил, что в окнах младшего брата всё ещё теплится свет. Он тихо вздохнул и, взяв масляный светильник, неторопливо направился к его покоям.

Шуанчэн лежал под толстым ватным одеялом, сжавшись в комок. Тонкая белая рубаха едва прикрывала его спину, плечи мелко подрагивали, а тёмные растрепанные волосы разметались по подушке, лишив его привычного озорного вида.

Е Чжэнь нахмурился. Поставив светильник на столик, он бесшумно подошел к кровати. Заметив его приближение, юноша едва заметно вздрогнул.

Действительно напугал мальчишку.

Шуанчэн изнывал от жгучей боли и никак не мог уснуть. Услышав тихие шаги, он вспыхнул от раздражения и уже собирался было обложить вошедшего крепким словом, но, вовремя разглядев в полумраке силуэт старшего брата, прикусил язык. Проглотив ругательства, он демонстративно отвернулся к стене, всем видом показывая, что знать его не желает.

Однако Е Чжэнь бесцеремонно потянулся к краю его одеяла, собираясь задрать подол рубахи. Шуанчэн вскипел, обеими руками вцепившись в ткань:

— Да что тебе нужно?! Отстань! Посреди ночи приперся, спать не даешь!

— Сначала обрабатываем раны, потом спи, — спокойно ответил Е Чжэнь.

Шуанчэн упрямылся: прикосновение к избитой коже подчас казалось ему даже более мучительным, чем сами удары. Он вцепился в рубаху мертвой хваткой и, изогнувшись, исподлобья уставился на брата.

Е Чжэнь не стал спорить. Он лишь смерил его ледяным, пронзительным взглядом.

— Бессмертным себя почувствовал? — тихо спросил он.

Весь запал Шуанчэна мгновенно улетучился. Обиженно сопя, он уткнулся лицом в согнутые локти и затих, не желая проронить ни звука.

«И за что мне всё это? — бушевал он мысленно. — Родных нет, сирота сиротой... Думал, хоть старший брат станет опорой, а он хуже дикого зверя! Настоящий деспот. Во всей Поднебесной не сыскать бедолаги несчастнее меня!»

От жалости к себе к горлу подступил комок. Жжение на ягодицах постепенно утихло — мазь, которую наносил Е Чжэнь, приятно холодила кожу, принося долгожданное облегчение. Но вслед за болью пришла другая беда: от пережитого страха и напряжения у Шуанчэна разыгрался зверский аппетит. В животе уныло заурчало, а ведь слугам строго-настрого запретили приносить ему хоть какую-то еду.

Невыразно страдая, юноша пробурчал в подушку:

— Ну подрался я, так ты меня отходил по первое число! Мы квиты. Зачем морить голодом? Так и скажи, что просто издеваешься надо мной.

Е Чжэнь, как раз бережно укрывавший его легким одеялом, удивленно приподнял бровь. Надо же, значит, в глазах этого негодника он — домашний мучитель?

Что ж, в таком случае стоит показать ему настоящую суровость.

Поправив одеяло и опустив шелковый полог кровати, Е Чжэнь невозмутимо произнес:

— Сиди смирно. Ближайшие несколько дней я проведу в поместье. Если истосковался по линейке для наказаний — милости прошу, выкинь ещё какой-нибудь фокус.

Шуанчэн резко повернул голову, гневно фыркнул и с головой зарылся под одеяло.

На губах Е Чжэня промелькнула едва заметная теплая усмешка. Он задул свечу и бесшумно покинул комнату.

На рассвете Шуанчэн проснулся в самом скверном расположении духа. Накануне, едва за братом закрылась дверь, он долго ворочался, соображая, как лихо вызвал бы Е Чжэня на честный бой и проучил бы его. В итоге эти думы переросли в кошмар: во сне он действительно сошелся с братом один на один, вот только Е Чжэнь снова избил его в одностороннем порядке. Проснуться после такого было вдвойне досадно.

Пока он предавался унынию, в комнату робко заглянул слуга Цю Мин. Едва завидев хозяина, он бросился к постели и жалобно запричитал:

— Молодой господин! Живы ли вы?! Как себя чувствуете?! Сильно вам досталось?!

Шуанчэн терпеть не мог телячьих нежностей. Слабо отпихнув мальчишку, он проворчал:

— Да отцепись ты. Жив я, жив. Нечего тут с утра пораньше панихиду устраивать.

Цю Мин утер слезы рукавом и шмыгнул носом:

— Господин вчера вернулся сам не свой от ярости. Я сразу понял, что вам несдобровать.

Шуанчэн закатил глаза к потолку:

— Нашел новость. Я, по-твоему, шел туда и думал, что меня по головке погладят? — Немного помолчав, он всё же буркнул: — Сам-то как? Брат тебя не тронул?

Слуга помотал головой, и на его бледном лице проступила робкая улыбка:

— Что вы, второй молодой господин! У нашего Главы кабинета золотой характер. Любой другой господин на его месте первым делом сорвал бы злость на слугах.

Шуанчэн так и поперхнулся от возмущения, ткнув пальцем себе в грудь:

— Ещё бы! Зачем ему срывать злость на вас, если у него под рукой есть я?! Тоже мне, благодетель выискался!

Цю Мин открыл было рот, собираясь успокоить раздосадованного хозяина, как вдруг осекся на полуслове. В дверях беззвучно возник Е Чжэнь. Мальчишка побелел от страха, поспешно поклонился и, дождавшись небрежного взмаха руки старшего господина, пулей вылетел из покоев.

<http://bllate.org/book/18190/1748754>